Л.В. Куркина

КОММЕНТАРИИ К IV ТОМУ "ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СЛОВЕНСКОГО ЯЗЫКА" Ф. БЕЗЛАЯ[1]

В 2005 г. вышел из печати последний четвертый том "Этимологического словаря словенского языка" (1976–2005). Начало работе над словарем было положено акад. Ф. Безлаем. Им разработана общая концепция словаря и подготовлены первые два тома. С уходом из жизни Ф. Безлая работу над словарем продолжили его ученики – М. Сной и М. Фурлан. В третьем томе им принадлежит более двух третей общего объема словаря, в четвертом томе всего лишь несколько статей подготовлено Ф. Безлаем, к некоторым из них в квадратных скобках даны дополнения (см. *turati*, *virostováti*, *vékati* и др.). На титульном листе авторами словарных статей названы Ф. Безлай, М. Фурлан и М. Сной, а редакторами тома – М. Фурлан (далее – М.Ф.) и М. Сной (далее – М.С.). Опубликованный в 2007 г. пятый том представляет собой составленный ко всем четырем томам словоуказатель объемом в 770 страниц. Словоуказатель, подготовленный М. Сноем и С. Клеменчич, содержит 194 105 лексических единиц из славянских и неславянских языков, из них 70 191 принадлежит словенскому языку. Дополнительный пятый том во многом помогает и облегчает пользование словарем[2]. Словарь идет под именем Ф. Безлая, и в этом – проявление глубокого уважения к учителю и основоположнику словенской этимологии.

Мы уже имели возможность высказать свои соображения по поводу первых трех томов словаря[3]. Общая оценка последнего IV тома нами дана в рецензии, напечатанной на страницах ж-ла "Вопросы языкознания" (№ 6, 2006). Естественно, что в рамках небольшой рецензии не было возможности в полной мере охарактеризовать методику этимологического анализа, выявить слабые и сильные стороны разрабатываемых этимологических решений. Между тем последний том, охватывающий значительный отрезок словаря (*Š–Ž*), заслуживает более детального анализа по многим причинам.

Словенская лексика, особенно на последние буквы алфавита, наименее изученная в этимологическом плане, не вошла в те немногие этимологические словари, которые доведены до конца.

Словарь впервые вводит в практику научных исследований большой пласт новой лексики, почерпнутой из источников разного времени и в первую очередь из исторических и новых диалектных словарей. Каждое слово, вынесенное в заглавие, предстает во всей полноте своих отражений в диалектах, исторических источниках, в топонимике и т.п. Самостоятельные позиции в словаре имеют некоторые топонимические названия (ср. *Trîglav*, *Tácen*), имена (ср. *Tîvra*, мифологический персонаж, *Vagnar*), старые слова, зафиксированные в источниках XVI–XVIII в. (ср. *tepšiti* 'ходить без дела, шляться' из словаря Гутсманна, **teplic*: *tepliz* 'теплый источник' из словаря Мегисера, **velika* 'корабль; судно' 1607 г. у Аласия и т.п.). В составе словника находим лексемы, утраченные языком, но восстанавливаемые по данным ономастики (ср. нем. бавар. *Talken* (< **tolkъno*) → **tlakno* 'еда из муки'; *Vopolje* → **opolje* и т.п.). Сложные слова становятся источником реконструкции утраченных лексических единиц, уже не засвидетельствованных в простом, несвязанном виде (ср. **trp* ~ *trpoglav*). В работе выявлен большой пласт лексики, заимствованной из романских (*tególine* 'вид стручковой фасоли' < итал., *tóca* 'молодой пес' < итал. *tozzo* и т.д.), германских языков (*škink* 'бедро; окорок' < др.-в.-нем. *skinco*, *šklaf* 'раб, невольник' < ср.-в.-нем. *sklafe*, *šlíhtati* 'приводить в порядок' < нем. *schlichten* и т.д.) и т.п. Материалы словаря наглядно показывают, что немало слов пришло в словенский язык из территориально близкого сербохорватского языка (ср. словен. *tálas* 'вал', *tlápiti* 'болтать, пустословить', *škêle* 'деревянная часть седла', *vêžba* 'упражнение' и т.д.).

За время, прошедшее с момента выхода в свет первого тома (1976), за более чем четыре десятилетия словарь проделал определенную эволюцию, совершенствовалась методика этимологического анализа, словарь обогащался новыми идеями, новым материалом. И в IV томе наиболее полно проявились особенности подхода к этимологии словенской школы этимологов, у истоков которой стояли Ф. Рамовш, Ф. Безлай.

Как и в предыдущих выпусках, в соответствии с идеей Ф. Безлая об особой архаичности словенской лексики в центре внимания исследователей индоевропейское прошлое словенского языка. Словарь ориентирован на выявление таких архаизмов, которые не имеют славянских соответствий, но уходят своими корнями в индоевропейский язык, что проявляется не только в поисках индоевропейских истоков для словенских слов, занимающих изолированное положение в славянском словаре, но и в

характеристике словообразовательной структуры слова в системе отношений индоевропейского праязыка. Минуя праславянский уровень и уровень собственно словенского языка, авторы по отдельности рассматривают морфонологические варианты слова прежде всего на индоевропейском фоне, и лишь в самом конце словарной статьи путем отсылок обозначены родственные связи слов в словенском и шире – славянском словаре. В результате остаются до конца нераскрытыми внутрислявянские отношения на морфонологическом и словообразовательном уровнях.

В меньшей степени внимание авторов привлекают вопросы развития семантики. Авторы исходят из принципа семантического тождества слова на всем протяжении его развития. При выборе заглавного слова, подборе славянских и индоевропейских соответствий, реконструкции этимологических связей авторы опираются на различия в семантике совпадающих по форме слов. Во многих случаях различия в семантике становятся тем критерием, по которому этимологически разграничиваются тождественные по форме лексемы, традиционно относимые к одному гнезду. В соответствии с принятым семантическим принципом слова с разными значениями имеют самостоятельные позиции в словаре и во многих случаях толкуются как генетические омонимы (ср. *tok I* 'cursus, fluctus, flumen', *tok II* 'отек, опухоль', *tok III* 'колчан; карман', *tok IV* 'некая морская рыба'; *vaditi I* 'exercere', *vaditi II* 'манить', *vaditi III* 'жарить', *vaditi IV* 'объявлять, оглашать'; *véslo I* 'remus', *véslo II* 'eine grobe, verleumderische Zunge', *veslo III* 'клешня рака или гусиная лапа' и т.д.). Омонимы имеют разную природу (фонетические преобразования, совпадения фонетического облика исконных и заимствованных слов и т.п.), и это обстоятельство необходимо иметь в виду при реконструкции исходной основы и выявлении характера отношений между основами[4].

Важным компонентом структуры взаимосвязанных основ являются морфонологические отношения. В ряде статей расширительно толкуются некоторые типы морфонологических отношений, по сути вводится новый тип морфонологических отношений: модель чередований *eu* : *ou* : *ŭ* дополняется ступенью *e*, *o* при отсутствии необходимых для этого условий, что существенно ослабляет доказательную силу предлагаемых решений (ср. словен. *tičîn* 'медлить в работе' < **tyčinъ*, *točji* 'пестрый' и т.п.).

В последних двух томах при реконструкции индоевропейской формы в арсенал исходных единиц включены ларингальные. Однако едва ли оправдана реконструкция исходной формы с

ларингальным для слов, соотносимых с балто-славянской эпохой и даже эпохой самостоятельного развития праславянского языка. Примером может служить толкуемое как прямое продолжение и.-е. *$H_2u̯éH_1$-ter- → *$H_2u̯éH_1$-tro-, nomen agentis, слав. *větrъ с точными соответствиями в балтийских языках (ср. лит. *vė̃tra* 'буря, ураган', лтш. *vętra* 'буря, непогода', прус. *wetro* 'ветер').

Нельзя не отметить, что во многих случаях этимологические решения, к которым приходят авторы (М.С. и М.Ф.) в отношении одних и тех же слов, не только не совпадают, но нередко отражают разное видение этимологических связей и соответственно состава восстанавливаемого этимологического гнезда. Особенно это заметно в последнем четвертом томе. К сожалению, в словаре не соотнесены предложенные авторами разные трактовки одних и тех же слов, хотя жанр словаря требует проведения более или менее единого подхода, согласования между собой разных толкований хотя бы путем отсылок. В качестве примера можно привести словен. *tŕhel* 'putridus', которое в одной статье дается с отсылкой к *trúhel, tróha, tréti* (М.С.), а в статье с заглавным словом *trúpiti* 'разбивать, дробить, толочь' (М.Ф.) толкуется как отражение и.-е. основы **treu̯s-* < **treu̯-* 'толочь, разбивать, уничтожать' и сближается со словен. *trš* 'пень' и т.п. Частично лексика, родственная словен. гл. *ščúcati se* 'рыгать', включается в гнездо гл. *ščúkati* 'резать'. Однако истоки глаголов толкуются по-разному. Если *ščúkati* в конечном итоге возводится к и.-е. **skeu-(t)-* (Pokorny I, 954), что представляется вполне вероятным, то для *ščúcati se* вместе с чеш. *štkát* 'рыдать, всхлипывать', польск. *czkać* 'рыгать' и т.п. < **ščьkati* (sic!) допускается развитие из первонач. глагольной формы **skъkắti, ščúčešь* 'всхлипывать; рыгать' (с предполагаемым изначальным членением **sk-ъ-ka-/*sk-u-ka*), родственной v. dicendi **sokắti* (словен. *sokotáti*, лит. *sakýti* 'говорить, сказать').

В словаре сочетается гнездовой подход с полексемной подачей материала. Не всегда авторам удается найти подход, обеспечивающий экономное и оптимально полное освещение материала. Так, в разных статьях рассматриваются *šir*, с которым соотнесены *širina, širota, širiti*, и *širok* вместе с диал. *širôčka* в значении 'секира с широким топорищем'. В ряде случаев при раздельной подаче родственных слов авторам не удалось избежать повторов (ср. *šîška I* 'galla', *šîška II* 'отверстие', *šîška III* 'плохая груша' < **s'ĭchъ*). В статье с заглавным словом *véniti* 'вянуть' (< **vędnǫti*) по существу повторяется то, что было сказано о словен. *vaditi* 'жарить'.

Значительная часть словенской лексики впервые включается в этимологический анализ. При отсутствии непрерывной письменной традиции, по причине глубоких фонетических преобразований, которые претерпели многочисленные словенские диалекты, крайне ограничены возможности внутренней реконструкции. Восстановлению исходной формы слова предшествует большая предварительная работа, детальное изучение исторических материалов, диалектных вариантов слова. Несомненно, в трудных случаях исследователям помогает большой опыт работы со словенской лексикой, знание диалектных процессов, сложным образом протекавших на словенской территории, и не последняя роль принадлежит языковой интуиции. Порой восстановление сильно затемненной исходной фонетической формы слова равносильно определению внутренней формы слова (ср. *ûren III* 'приспособление, на которое вешают котел над огнем' ~ диал. *vòr* : *vréti*; *tórežen* 'орудие для помешивания молока' как производное от **tvorežь* 'творог', далее к **tvorъ*, **tvoriti*; *zátanc* 'затылок' < **za-tylьnьcь*; *zamâlka* 'опухшая шейная железа' ~ **-dymati* и т.п.). Для многих слов, претерпевших глубокие фонетические изменения, восстановление внутренней формы осуществляется через снятие поздних фонетических наслоений, что предполагает знание фонетических процессов, протекавших в многочисленных словенских диалектах. Так, с учетом характерного для прекмурского диалекта перехода *i* > *u* становится очевидной принадлежность словен. прекмур. *vùjati* 'мотать пряжу в моток' < *uvijati* к гнезду слав. **viti*. Именно с опорой на территориальные изменения в фонетике для широко представленного в диалектах *škedénc* 'ключ, родник, источник' восстанавливается изначальная форма **studenьcь*. Ср. *zdénec*.

Каждая из словарных статей образует самостоятельный сюжет, в котором одинаково важны все аспекты анализа. При выборе этимологического решения необходим учет многих факторов (словообразования, семантики и т.д.). С расширением лексической базы исследования открываются новые аспекты, с учетом которых появляется возможность внести уточнения, дополнения в предлагаемые решения. В IV том вошла лексика, трудно поддающаяся этимологизации. Каждая из этимологий, предложенных в словаре, – это шаг в продвижении к истокам слова. Ценно и то решение, которое по каким-то причинам представляется не совсем убедительным, уже потому, что сужается поле последующих поисков.

Предметом нашего рассмотрения станут некоторые словарные статьи IV тома. Наши комментарии не что иное, как попытка с несколько другой стороны, с учетом других фактов подойти к оценке предлагаемых в словаре этимологических решений.

Šabêdra 'человек с кривыми ногами' связан с гл. *šabedráti* 'ходить на кривых ногах' (М.Ф.), который характеризуется как экспрессивное образование, членимое на *šab-ed-rā-ti*. Для него предполагается производность от гл. **šabati*, сохранившегося в форме *ušábniti*, *ušebníti* 'искривить', с ближайшими соответствиями в хорв. **šȅbat* 'плестись (идти с заплетающимися ногами)' (Дубровник), *šebètati* 'пошатываться, качаться' и т.п., далее родственного лтш. *šķuobît* 'склонить, нагнуть', рус. диал. (олон.) *ша́брать* 'шарить, искать в темноте'. При таком подходе не получает убедительного объяснения исход образования на *-drati*. При этом едва ли может быть аргументом ссылка на отношение гл. **ma-cha-ti* > *mahedrati*, поскольку в гл. *mahedrati* допустимо видеть сложение двух глагольных основ – **maxati* и **dьrati*. Заметим, что для экспрессивно окрашенных образований характерны наращения в виде архаичных префиксов. Можно думать, что словен. *šabedráti* может быть отнесено к отыменным образованиям от *bedro* с префиксом *ša-*. Примечательно, что в словаре в статьях на *ščežéti* 'бежать согнувшись', *zbedren* 'хромой' обосновывается возможность семантического перехода 'femur' > 'хромать' для словен. *bedríti se* 'хромать, прихрамывать', хорв. *bèdriti se* 'ad latus ire', к ним следует присоединить и рус. диал. *бедри́ть* и *бе́дрить* 'наваливаться одним бедром на оглоблю (о лошади)' (СРНГ 2, 177), *сбе́дри́ть* 'отступить, спятить' (Даль[3] I, 144; IV, 39).

šága 'заноза' объясняется как производное на *-aga* (по типу *vorljága* 'лужа', *poščága* 'вид рыжей жабы') с первоначальной формой **sušāga* или **sъšāga*, далее к **sušiti*, **sъchnǫti*, или **pьšāga* к **pьchati*. Остается неясной семантическая мотивация. Отсутствие в словаре продолжения форм **sušāga*, **sъšāga* или **pьšāga* снижает вероятность предлагаемого истолкования.

Šámer 'выродок, урод', также 'остановившееся в своем развитии дерево' признается семантически близким в.-луж. *šamały* 'подлый', *šamałc* 'подлец', которые в словаре Шустер-Шевца сближаются с в.-луж. *šamać* 'тереть, массировать', ст.-чеш. *šámati*

(sě) ‘нащупывать в темноте дорогу’ и т.п. (Schuster-Šewc 1404). В словаре с опорой на модель семантических отношений ‘мести’ > ‘мусор’ отдается предпочтение сближению этих образований с рус. диал. *шам* ‘мусор, сор’, *шáмать* ‘идти медленно, скользя ногами’, польск. *szamotać* ‘разметать (о ветре)’ и т.п., которые через восстанавливаемое для праславянского языка **šęti*, **šemèšь* < **svęti*, **svemèšь*, сохранившегося в словен. *šemetati* ‘идти раскачиваясь’, возводится к и.-е. основе **su̯em-* ‘двигаться; драться, бороться’. С таким толкованием трудно согласиться. В составе рассматриваемой лексической группы образования разного происхождения. Вероятно, правы те, кто истолковывает рус. *шамать* ‘есть’, ст.-чеш. *šámati* как звукоподражательные образования (Фасмер IV, 402)[5]. Что же касается словен. *šámer*, то большая вероятность того, что его место в ряду производных гл. **merti* с экспрессивным преф. *še-*: ср. чеш. *šemřit sa* ‘мелькать, колебаться’, словац. *šemorit’ sa* ‘колебаться; обозначиться в сумерках’ (Machek[2] 605), польск. *szemrać* ‘журчать, роптать; выражать неудовольствие’, в.-луж. *šemriś* ‘беспокойно сновать, возиться, шуметь’ и т.д.[6], ср. с другим преф. слав. **ča-merti / *če-merti* в болг. *чемре́я* ‘вянуть, терять силы и свежесть’, блр. *чамрэ́ць* ‘слабеть’[7].

Šámprkati ‘хромать’ определяется как экспрессивное образование от гл. *šapati* ‘неровно ходить’ с вставным носовым элементом **šampati*. Остается необъясненным исход на *-prkati*. Вполне возможно, что это образование представляет собой производное с экспрессивным элементом *šam-* от гл. **pъrkati*, варианта к **pъrcati* (ср. **ob-pъrcati*: с.-хорв. *obpŕcati* ‘жадно есть’, *oprcati* ‘bespringen, coco’ – ЭССЯ 29, 45). Однокоренными являются глаголы, основы которых расширены разными элементами, – *pъr-l-*, *pъr-sk-* ‘брызгать’ > ‘пачкать, марать’ с производной семантикой ‘оплодотворять’, ‘bespringen, bespritzen’[8], ‘производить шум’ (ср. болг. *пъ̀ркати* – БЕР 6, 90) и т.п.

Ščánci м.р. мн. ‘нестриженые тонкие волосы’ выводится из **ščatьnьcь* < **ščatь*, вариант к **ščetь*. Представляется более вероятным развитие из формы причастия на *-n* гл. **sъčati* (> **šъčati* по ассимиляции) с обобщением основы наст. вр. гл. **sъkati* : **sъč-*. Волосы получили название по сходству с грубыми нитками, веревкой, ср. рус. диал. *ска́нец* ‘толстая, грубая пеньковая пряжа’, *ска́нка* ‘тонкая самодельная веревка’, *сканц* ‘крученые нити’

(СРНГ 37, 385–387). Ср. с переходом *sъk* > *sk* > *šč* рус. волог. *ощáть* ‘теребить (лен)’ (СРНГ 25, 100).

Предполагается, что гл. *ščekáti* ‘лаять (о собаке)’, *ščekotáti* ‘лаять’, ‘ссориться, браниться’ и т.п. (~ серб. *šteknuti* ‘залаять’, блр. *щекáць* ‘лаять, ругать, бранить’, *щекотáць* ‘кричать как сорока’, польск. *szczekać* ‘лаять’ и т.п.) < **šče-ka-ti*, **šče-k-o-tati* одного корня с н.-луж. *šćo-waś* ‘скулить, стонать’. Для них допускается связь с экспрессивным глаголом говорения **sokati*, **sokotati* (~ лит. *sakýti* ‘говорить’) < и.-е. **sek*ᵘ- ‘говорить’. Однако остается нераскрытым характер морфонологических и словообразовательных отношений и особенно соотношение начальных *šč* – *s*. Больше оснований имеет версия, согласно которой праслав. **ščekati*, как и рус. диал. *скоготáть* ‘выть, скулить; пронзительно кричать, визжать’ (СРНГ 38, 50), блр. *скагатáць* ‘пищать’ (Фасмер IV, 500; Machek[2] 624; Boryś 596, 598), звукоподражательного происхождения.

Ščékavec ‘мелкая галька’ (вост.-штир.) характеризуется как производное от прилаг. **ščékavъ* ‘о том, что шумит, гремит’, которое, по мнению М.Ф., образовано от существительного, сохранившегося в польск. *szczęk* ‘звон, бренчание’, *szczękać* ‘бренчать’, назализированном варианте к **ščekъ* ‘лай’. Допуская развитие ‘шум, звон’ > ‘мелкий песок’, М.Ф. приводит в качестве семантической параллели словен. *svíž*, хорв. кайк. *svìž* ‘мелкий песок’ ~ словен. *svízati* ‘свистеть’, хорв. *svizdati* с тем же значением, словен. *hrèšč* ‘мелкий песок’ ~ *hréstati* ‘хрустеть’ и т.п. Однако это только одна из возможных моделей развития значения ‘мелкий песок’[9], а поэтому предлагаемое автором объяснение словен. *ščékavec* не единственно возможное. Структура слов и семантика не препятствуют сближению словен. *ščékavec* с гл. *uščekníti* ‘отщипнуть, оторвать’, *poščekováti* ‘порезать, посечь’, *ščekáti* ‘доить’ и др. < **ščekati* / **ščъknǫti* (s.v. *škèc*, с. 54), а также рус. диал. *щечúть* ‘теребить, тормошить, дергать, брать, щипать’ (Даль[2] IV, 656), др.-рус. *ущькнути* ‘ущипнуть, откусить’ и т.д. (Фасмер IV, 499)[10]. Семантически ср. рус. диал. *дробóк* ‘кусок, ломоть; крошка’ (СРНГ 8, 189) ~ *дробить*; рус. диал. *лом* ‘кусок, ломоть хлеба’, ‘остатки, обломки, крошки’ и т.п. (СРНГ 17, 115) ~ *ломать* и т.п.

Едва ли оправдано этимологическое разделение *ščetína* ‘щетина’ и диал. *ščetína* ‘ругательство в адрес назойливого или над-

менного человека' (Доления), поскольку вполне очевидна семантическая производность последнего. Переосмысление слова с исходным значением 'короткий, жесткий волос' приводит к развитию разных значений: ср. рус. диал. *щеть* 'щетка для чесания льна' (Новг. словарь 12, 117), *щётка* 'раст. Carthamus tinctorius', далее *щети́нить на себе шерсть*, *щети́ниться* 'поднять дыбом', 'о человеке – вспылить, строптиво противиться', *щети́ть* 'задирать, бранить кого (?)' (Даль[2] IV, 656).

При истолковании словен. *ščežéti* 'kriechend rennen' отклоняется идея Ф. Безлая о развитии формы глагола из **jьz-čezati / *čeznǫti*. Словен. *ščežéti* трактуется как глагол на *-ěti*, производный от восстанавливаемой именной основы **ščęgъ*, сближаемой с герм. **skincō(n)* 'изогнутая кость, бедро' (ср. др.-в.-нем. *skinco* м.р., *scinca* ж.р. < и.-е. **skengōn / *skengaH$_2$*), греч. σκάζω'хромать' (< **skŋg-ie*) и др.-норв. *skakkr* 'косой, наклонный' (< герм. **skunka-*). В качестве семантической параллели приводится словен. *bedríti se* 'хромать, прихрамывать' (см. *šabêdra*). Существенно ослабляет доказательную силу предлагаемого в словаре объяснения отсутствие продолжений в славянских языках реконструируемой формы **ščęgъ*. Можно думать, что в действии, обозначаемом гл. *ščežéti*, существенным, выделяемым был не признак хромоты, а та особенность передвижения, которая связана с полусогнутым положением, которое, несомненно, замедляет ход, делает движение неровным, слабым и даже вялым. И тогда в семантике словен. *ščežéti* получает конкретизацию процесс, обозначаемый формами того же глагола с преф. **jьz-* – **jьz-čeznǫti*: ср. польск. *sczeznąć* 'сгибать, пропасть, исчезнуть; пропасть', диал. 'погибнуть, пропасть, умереть, подохнуть', словин. *ščeznǫc* 'погибнуть, пропасть' и т.д. (SEK I, 226–227; SP 2, 188–189).

Škábica 'застежка', *zaškábiti* 'застегнуть' толкуются как результат фонетического преобразования исходной формы **sъkatьba*, далее к **sъkati*. Более вероятна соотнесенность с отмеченным в словаре Цафа словом *škóba* 'задвижка, засов' (см. Bezlaj III, 243) < слав. **skoba* с наложением удлинения на корневой вокализм. Застежкой могла служить палочка разной формы – прямая или изогнутая, ср. рус. диал. *скáба*, *скáбка* 'щепка, лучина' (Даль[2] IV, 189), словен. *zaškábiti* значит 'вставить палочку, соединить палочкой или каким-то другим предметом'.

В статье на *tači* соотнесены образования разного происхождения. Для отмеченного в словаре Гутсманна глагола в форме 3 л. *tači* ‘приносить пользу’ восстанавливается основная форма **tačiti / *tačati* < **takěti* с тем же значением. Однако представляется более вероятной связь словенского образования с гл. *takniti*, *tekniti* с рефлексом редуцированного гласного в корне. Далее в круг семантически близких образований включаются рус. *стачить*, чеш. *stačit* ‘удовлетворять’, словац. *stačit’*, *stač* ‘достаточно’, н.-луж. *stacyś* ‘подходить, быть достаточным’, но эти образования следует исключить из числа родственных, поскольку для них исходной является форма **statъčiti*, о чем свидетельствует польск. *statczyć* в том же значении. На индоевропейском уровне вся группа соотносимых в статье слов сближается с лит. *tèkti* ‘удовлетворять’, с другой ступенью чередования – словен. *stéči* ‘получить, наследовать’, макед. *стек* ‘выигрыш’ и т.п. Включенные в это же гнездо цслав. **съто̀къ** ‘facultates’, с.-хорв. *stòka* ‘скот; имущество’, таким образом, получают новое истолкование. Для полноты картины полезно было бы высказать отношение к приведенным в БЕР другим этимологическим версиям слав. **stokъ* (см. обзор в БЕР 6, 787).

Понять внутреннюю связь гл. *tájati* ‘liquefacere, eliquare, resolvere’ и *tajíti* ‘negare’ помогает идея О.Н. Трубачева об общих лексико-семантических истоках этих образований с реконструкцией семантической эволюции **tajati* (состояние) → **tajiti* (каузатив) как ‘распускаться, растапливаться, доходить до жидкого состояния, размельчаться’ → ‘делать мелким, маленьким, прятать, скрывать’[11].

Для понимания внутренней формы словен. *tâjka* ‘подол женской юбки’ существенна семантика приводимых в словаре хорватских диалектизмов – *tâjka* ‘загнутая часть у края брюк, в которую вставляется лента или тесьма для завязывания’, ‘шов, которым стягиваются штанины или рукава’. Эти слова обозначают скрытую, потайную часть одежды. Скок предполагал развитие из **tъčьka* ~ **tъknǫti*, но этому мешает долгота корневого вокализма в хорв. *tâjka* ‘подол женской юбки’. В словаре получает развитие идея (RJA XVIII) о заимствовании из ит. *tacca* ‘зарубка; отметка; надрез’, которое в первоначальной форме **taika* могло быть заимствовано из герм. **taikna* ‘знак, отметка’, ср. нем. *Zeichen*. Попутно заметим, что в данном случае сближение слов с отличиями

в семантике противоречит принятому в словаре принципу подбора соответствий с учетом семантики лексем. Надо иметь в виду, что словом *tâjka* обозначается потайная, скрытая часть одежды, поэтому представляется вполне вероятной в плане семантики и словообразования связь с гл. **tajiti* ‘таить, скрывать’.

Tâl ‘талый’ вместе с родственными ему образованиями (ср. рус. *талый*) определяется как прич. на *-l* от глагола, который восстанавливается в форме **tati*, *таnеть* ‘растапливать’ на основании укр. *ростáти*, *-тáне*, сближаемого с арм. *t‘anat* ‘замочить’, и рассматривается в отрыве от гл. **tajati*. Следует заметить, что в укр. *ростáти*, *-тáне* форма на *-ну-* вторична, появление ее, вероятно, вызвано сближением с глаголами типа *стать*, *стану*.

Словен. *tamúzati* ‘слегка ударить’ (< *tam-uz-ati*) объясняется как производное с экспрессивным суф. *-uz* от гл. **tam-lja-ti* < **tamati* (в.-луж. *tamaś* ‘уничтожать, вредить’, н.-луж. *tamać* ‘проклинать’), связываемого чередованием корневого вокализма с гл. **tomiti*. Для гл. **tomiti* допускается традиционное сближение с др.-инд. *tamáyati* ‘удушает, лишает воздуха’ (ср. Фасмер IV, 75-76), но при этом отмечается, что это сближение носит необязательный характер. Автор (М.С.) полагает, что в слав. **tomiti* предпочтительнее видеть образование от промежуточной основы, производной от слав. **tęti*, *тьnǫ* ‘резать, рубить’ < и.-е. **temH$_1$-* ‘резать’. Из этой версии следует, что слав. **tomiti* представляет собой собственно славянское новообразование. С некоторыми дополнениями и изменениями такое же объяснение принимается и для гл. *tomljáti* (М.Ф.). Исходный для него гл. **tomiti*, как и др.-инд. *tamáyati*, определяется как каузатив от и.-е. основы **tem(H)-* ‘удушает, лишает воздуха’, которая может быть родственна и.-е. **temH$_1$-* ‘резать’, поскольку, как полагает М.Ф., значение ‘резать’ развилось из ‘притеснять, давить’ (с. 196). Таким образом сближаются этимологические гнезда, разделяемые в словаре Покорного (Pokorny I, 1062–1063). Однако остаются неясными условия, при которых основа, производная от гл. **tęti*, *тьnǫ*, в одних случаях имеет в исходе *-m*, а в других *-n*, не раскрыт механизм связи значений ‘давить, притеснять’ и ‘резать’. Славянский материал как будто бы не подтверждает эти выводы. Анализ семантики гл. **tomiti* подводит к другому понимаю истоков глагола.

Глаголом **tomiti* обозначается особое состояние подавленности, угнетенности, вызванное внешними или внутренними

причинами (голод, тоска, неизвестность, любовь и т.п.), ср. рус. безл. *томить* ‘заставлять мучиться любопытством, неизвестностью, ожиданием’, болг. диал. (Разлог) *то́ме* ‘вызывать желание, хотение, манить, привлекать’[12]. Это состояние проявляется в тихой, незаметной, порой скрытой форме, признаки, сопутствующие проявлению этого состояния, становятся определяющими для переосмысления глагола. Так, актуализация признака ‘слабость, усталость, неопределенность и т.п.’ наблюдается в рус. *притомиться*, диал. *томи́ть* безл. ‘кружить, шатать (о головокружении)’[13]. Признак незаметного проявления действия, состояния доминирует в семантике с.-хорв. вост.-герц. *томити* в значении ‘тайно забрать, присваивать’, *затомити* ‘присвоить, скрыть, спрятать, отобрать’[14] и т.п. Можно думать, что усилением присутствующего в семантике глагола другого признака – длительного, медленного воздействия – вызвана семантическая деривация глагола, его переосмысление, переход к значению ‘обрабатывать теплом, парить в закрытом сосуде’ (ср. рус. *томить овощи* и т.п., *томленое дерево*, *кость* ‘мореное, крашеное в кислоте, в щелочи’). Собственно той же производной семантикой мотивировано употребление глагола для обозначения незасеянной земли, оставленной для восстановления плодородия почвы, ср. рус. диал. *пото́мина* ‘залежная земля’ (СРНГ 30, 292). Значение словен. *tomljáti* ‘гнать, преследовать’ вторично, оно производно от значения ‘находиться в подавленном состоянии’ > ‘давить, притеснять, ограничивать (доступ свежего воздуха)’ > ‘понуждать к действию’ > ‘слегка ударять’ и т.п. Содержание, которое стоит за понятием **tomiti*, исключает какие-то резкие движения, поэтому большие сомнения вызывает предположение автора об исходном значении ‘резать’.

На наш взгляд, верный подход к истолкованию слав. **tomiti* намечен в одной из работ В. Борыся[15]. Славянский глагол толкуется как каузатив от глагола с корневым вокализмом *е*, который, по мнению В. Борыся, сохранился в словен. *stéti se*, *stámem se*, *stmèm se* ‘застыть, затвердеть, сгуститься (о жидкости)’, *raztéti se*, *raztámem se* ‘расплываться, растекаться, раствориться’, с.-хорв. диал. *utémati*, *ùtēmām* ‘убить’. Словенские формы указывают на старый гл. **tęti*, **tьmǫ* с исходом основы на *-m* в отличие от **tęti*, **tьnǫ*. В гнезде и.-е. **tem-* ‘притеснять, сдерживать доступ воздуха’ (Pokorny I, 1063) исходную основу со ступенью *е* представляют южнославянские лексемы. При таком подходе слав. **tomiti* и др.-инд. *tamáyati*, каузатив от *tā́myati*, параллельные образования.

Попутно заметим, что к рассматриваемому гнезду М.Ф. относит и чешский гл. *temovat* ‘заткнуть’, для которого предполагается производность от праслав. **temъ*, оставленного Махеком без объяснения во втором издании словаря (Machek^2 639), а в первом издании это слово выводится из венгерского *töm* (Machek^1 525).

Не получило обоснования сближение словен. *tárati* ‘мучить’ и *tórati* ‘тяжело нести, тащить’, ‘болеть’ (~ словен. *tréti*) с экспрессивно окрашенными рус. *мáрабить*, *тарабáнить* ‘тянуть, тащить’ (~ польск. *tarabanić się*, чеш. диал. *tarabit* ‘тяжело носить’, укр. *тарабáнить* ‘нести, тащить что-н. большое’), истоки которых остаются неясными (Фасмер IV, 20; Machek^2 636). Основываясь на русском и украинском материале, А.А. Шахматов предполагал развитие *ар* > *ара* перед следующим гласным *а* и на этом основании включал в круг родственных образований рус. диал. *тарáбить* ‘таскать, носить’, *притарáбить* ‘притащить’, далее *тóрбать* ‘рубить (говядину)’, *растóрбать* ‘переворачивать’, *тóрба* ‘неповоротливый, толстый человек’, далее словен. *tŕbati* ‘бежать рысью’, *tŕba* ‘болван, остолоп’, *trbàn* ‘обрубленный кусок дерева’[16].

В словаре разные истолкования получают четыре глагола с основой **tep-*: *tépsti* ‘ferire’, ‘rixari’, *-tépsti I* ‘мазать’, *tépsti II* ‘есть’, *tepsti se* ‘бродяжничать, скитаться’.

При интерпретации гл. *tépsti* ‘ferire’, ‘rixari’ М.С. исходит из первоначального значения ‘мазать’ и предполагает семантический переход ‘мазать’, ‘прилепиться’ > ‘бить’, и далее на этом основании допускается сближение с и.-е. **tep-* ‘быть теплым’ (мазь легче распределяется по поверхности в теплом состоянии) > ‘мазать’. Этот переход аргументируется ссылками на семантику лит. *tèpti* ‘мазать, смазывать, пачкать’ и ‘ударять’, а также чеш. *mazati* ‘мазать; ударить’, диал. *mazač’* ‘мазать; бить’, н.-луж. *mazaś* ‘мазать; ударить’ (ЭССЯ 18, 23). Действительно, в некоторых диалектах у гл. **mazati* наряду с основным значением ‘мазать’ появляется значение ‘ударять, бить’. И появление этого значения обусловлено тем, что нанесение мази достигается ударными движениями. Поэтому семантика гл. **mazati* не может служить аргументом в пользу реконструкции для словенского глагола на глубинном уровне значения ‘быть теплым’, тем более, что приведенные в этой же статье многочисленные производные сохраняют связь с древним значением слав. гл. **tepti* ‘бить, ударять’:

ср. словен. *tepíšče* ‘Prügelstätte’, *tepéžen*, прилаг. ‘Prügel-’ и т.п., а также рус. диал. *потенáло* ‘палка, ветка, хлыст, которым можно защититься от собак, гусей и т.д.’ (СРНГ 30, 274). Этот ряд производных могут дополнить образования с общим значением ‘обивки’: ср. словен. *otȅp* ‘обмолоченный сноп’, *otêpki* ‘сбитые плоды’, чеш. *otep* ‘обмолоченный сноп; связка, охапка’ и т.д. (Bezlaj II, 261; ЭССЯ 30, 166–167). Вполне понятен семантический переход ‘(о)бить, (о)колотить’ > ‘обтрепаться, потерять вид’ > ‘обивки’ и ‘ударами нанести грязь, мазь и т.п.’, ср. польск. диал. *obciepać* ‘заляпать грязью’ (ЭССЯ 30, 165). Для гл. **tepti* с исходным значением ‘бить, толочь’ не исключается связь на основе чередования гласных в корне с гл. **topati* (Фасмер IV, 78). Как одно из семантических ответвлений слав. **tep-ti* (*sę*) ‘ire’, **tep-ti* ‘ferire’ рассматривается М.Ф. словен. *tepsti se* ‘бродяжничать, скитаться’, семантически ср. рус. диал. *колоти́ться* ‘шататься без дела, без цели, бить баклуши’ (СРНГ 14, 181), *би́ться* ‘жить, существовать, перебиваясь, преодолевая нужду, лишения’ (СРНГ 2, 302) и т.п.

Гл. *tépsti II* ‘есть’ (ср. *natépsti* ‘наесться’, *otépati* ‘жадно есть’ и т.п.) соотносится с с.-хорв. диал. *nat'pkam* ‘наесться’, н.-луж. *pósepaś* ‘(о птице) клювом доставать пищу’. Наличие индоевропейских соответствий с тем же значением (лит. *tepė́ti* ‘есть, жрать’, лтш. *tepêt* ‘много есть’, а также тох A B *tāp-* ‘есть’) подводит автора к выводу о том, что значение ‘есть, жрать’, характерное для и.-е. **tep-* ‘бить’, было свойственно индоевропейскому языку. Однако до конца остаются невыясненными истоки балтийских соответствий (Fraenkel 1081) и тох. *tāp-*, что делает выводы автора неубедительными.

По разным основаниям едва ли следует отрывать словенские глаголы от слав. **tepti* ‘бить, ударять, толочь’. Вполне вероятной остается возможность для гл. **tepti* семантического перехода ‘есть, наедаться’ < ‘бить, толочь’ на славянской почве. И семантической параллелью, подтверждающей вероятность такого перехода, может быть рус. диал. *обить / обивать* в значении ‘выклевывать зерна из колосьев (о птицах)’ (СРНГ 22, 57), н.-луж. *pósepaś* ‘(о птице) клювом доставать пищу’, рус. диал. *натолка́ться* ‘наесться вдоволь, до пресыщения’ (СРНГ 20, 223) и т.п.

В гнезде слав. **topnǫti* общие истоки предполагаются для подаваемых как омонимы словен. *toníti I* ‘тонуть’ и *toníti II*: *žito toni* ‘пропадает, гибнет’. Болг. *тъ́на* ‘тонуть’, включенное в гнездо словен. *toníti I* ‘тонуть’, определяется как продолжение гл.

**tъp-nǫ-ti* с корневым гласным в ступени редукции, что представляется не совсем убедительным. Нельзя обойти вниманием версию, согласно которой болгарский глагол вместе со слав. **ton'a* (ср. рус. диал., укр. *мóня* 'рыболовная сеть', 'место, где бросают рыболовную сеть' и др.) восходит к и.-е. **ten-* 'тянуть'[17]. Предполагается, что в форме болг. гл. *тъ́на*, не поддающейся объяснению на основе фонетики и на основе слав. **topnǫti*, находит отражение основа наст. вр. гл. **tьn-ǫ*, **tьn-eši* и т.д., поскольку корневое ъ из ь согласуется с отражением старого ь в большей части болгарских говоров, ср. *тъ́нък* < **tьn-ъkъ* того же происхождения[18].

Словен. *tuh* 'хрупкий, мелкий' (~ хорв. чак. *tȕhan* 'очень мелкий', *tȕsan* 'дурак' < **'мелкий, маленький', черногор. *tȕšica* 'маленький, невзрачный человек' и т.д.) < праслав. **tuxъ* сближается с **tukati* (рус. *тýкать* 'бить, ударять', чеш. *t'ukat* 'стучать' и т.п.) / **tъk-nǫti* 'ударить, коснуться' (~ греч. τύκος" 'каменотесный молот', 'секира') и выводится из и.-е. **teu-s-* 'толочь, бить', рассматриваемого как вариант к **teu-k-*. И.-е. основа с расширителем в форме и.-е. **tus-sk'-ió-* 'мелкий, пустой, слабый' предполагается для праслав. **tъščь* 'пустой'. В этом весьма сложном построении много искусственно притянутых слов. Начнем с того, что русск. *тукать*, чеш. *t'ukat* сложились на основе звукоподражания (Фасмер IV, 118), и поэтому едва ли есть основания для включения этих слов в гнездо слав. **tъk-nǫti*. Далее чак. *tȕhan* с вариантом *tȕsan*, а также рус. диал. *муха* 'снежная метель' отнесены в словаре Скока к тюркизмам (Skok III, 520). Не опровергнуто предположение Фасмера о заимствовании русского диалектизма *муха* из финно-угорских языков, ср. вепс. *tuhu* 'метель, 'мелкий песок', фин. *tuhu* 'мелкий продолжительный дождь' (Фасмер IV, 128).

Интересное объяснение предложено для словен. *túјati* 'укачивать ребенка' и семантически близкого в.-луж. *tujeć* 'качать'. М.Ф. отклоняет идею Шустер-Шевца о связи с звукоподражанием *tuj*, *tuj* (Schuster-Šewc 1556). Приводятся убедительные доводы в пользу включения этих образований в гнездо слов *távati* 'бродить' (~ лит. *taujóti* 'бродить'), который определяется как каузатив с долгим вокализмом в корне от неподтвержденного гл. **tu-ti* (ср. словен. *túјati* 'качать ребенка') и возводится к балт.-слав. **tau̯ia* 'перемещаться, двигаться туда-сюда' (< и.-е. имя **teu̯H-io* / **teu̯H-iā*). К этому же гнезду отнесено и лтш. *tùls* 'медлительный в работе' (< и.-е. **tuH-lo*). Заметим, что эти отношения сложились

в балто-славянскую эпоху, когда ларингальных уже не было. Дополнительных пояснений требуют хорв. чак. *tūjȁt* 'катать', *tūjȁt se* 'кататься' (Hraste-Šimunović I, 1263), поскольку *j* корне могут соответствовать *l* и *j*. Материалы статей, посвященных гл. *tavati* (М.С.) и *túјati* (М.Ф.), никак не соотнесены между собой.

Словен. *tavník* 'корзина, в которой хранят пойманную рыбу' с родственным ему с.-хорв. диал. *tàvnik* 'сплетенная из прутьев корзина для рыбы', 'корзина для орехов' предлагается объяснять как производное от прилаг. **tьmьnъ* 'темный'. И основанием для такого понимания истоков ю.-слав. слов служит с.-хорв. *tàvnik* в значении 'темное пространство, где зимуют пчелы', 'подземная яма, тоннель'. Действительно, для с.-хорв. *tàvnik* 'подземная яма, тоннель' весьма вероятна связь с прилаг. **tьmьnъ*. Однако несколько иную природу имеют словен. и с.-хорв. *tavnik* 'корзина', исходной для них была форма *talьnikъ*, ср. рус. *тальни́к*, название кустарника ивы, вербы (Даль[2] IV, 389). Корзины плелись из прутьев вербы, ивы, ср. описание, которое получает корзина в СРНГ: *корзи́на* 'плетеный кузов повозки или саней', 'рыболовный снаряд – сплетенная из прутьев ловушка', *ершовые корзи́нки* 'большие плетеные из лучин корзины для хранения сушеных ершей' (СРНГ 14: 330, 331). Для производящей основы *тал* 'ива Salix arenaria' допускается заимствование из тюркских языков: ср. чагат., казах., кирг. *tal* 'ива, ивняк' (Фасмер IV, 13). Если наше объяснение верно, то ю.-слав. примеры расширяют географию слав. **talьnikъ*.

Едва ли есть необходимость в реконструкции для словен. *tičîn* 'о человеке, медлительном в работе' < **tyčinъ* особого слав. гл. **tykati : *tъkati* 'скитаться, бродить' (> чеш. *tkát' se* 'vagari'), связываемого чередованием гласных с гл. **tekt'i* 'ire, currere'. Такое объяснение находится в противоречии с тем типом чередований, который характеризует слав. **tekt'i* с вокализмом *e* в корне. В плане семантики вполне очевиден переход от значения 'тыкать' к широко распространенному значению 'беспорядочно тыкать' > 'беспорядочно, суетливо двигаться', 'наталкиваться на что-н.' и т.п., ср. рус. новг. *тыкаться* 'дремать, клевать носом, наклоняться при этом из стороны в сторону' (Яросл. словарь *С-тятя* 123).

Для словен. *tekníti*, *táknem* 'tangere', связанного чередованием корневого вокализма со слав. **tykati*, **tъkati*, **tъkt'i* (ср. с.-хорв. *tàći*), отвергается возможность развития на базе и.-е. **teuk-* 'уда-

рять, толочь', как это принято в литературе. Истоки этих образований определяются в гнезде и.-е. **tek-* 'досягать' с развитием значения в перфектных формах 'иметь' > 'приносить пользу', что противоречит правилам морфонологических отношений, как и в других подобных случаях (ср. *točji*, *tičîn* и др.).

Предполагается, что словен. *točji* 'пестрый' (ср. *točja gos* 'fulica'), соотносимое с с.-хорв. *tȍkavica* 'Typhoides', болг. *токáчка* 'птица с белыми точками на сером оперенье', производно от лексемы **točь* 'точка, крапинка', связанной чередованием гласных со слав. **tъčь* 'точка', рус. *точный*, далее к **tъkati*. С таким построением трудно согласиться. Если говорить о производящей лексеме, утраченной языком, то ее следует реконструировать в форме **tokъ*, а не **točь*. Кроме того, ступень *o* не входит в тот ряд чередований, который характеризует гл. **tъkati*, а именно *ou : ŭ*.

Отсутствуют условия для объяснения с помощью ларингальных слав. **torъ* 'о том, что трет, дробит, пробивает и т.п.' (s.v. словен. *tȍr* 'трение') ~ греч. τορός (sic!) 'пробивающий или просверливающий насквозь' < и.-е. **torH$_1$-ó-s* : **ter(H$_1$)-e/o-* > слав. **terti* 'тереть'). Слав. **torъ* вместе с производными в словен. *torec* 'хлебный жучок', чак. *tȅrec*, *tȁrac* 'моль' и т.п.) сложилось на основе регулярных отношений в праславянскую эпоху, когда ларингальные уже не существовали.

Словен. *tráča* 'тряпка для вытирания' справедливо определяется как результат редукции корневого гласного в исходной форме **tirača* или **těrača*. Вызывает сомнение возможность реконструкции долгого корневого вокализма в форме **těrača*. Однако едва ли можно видеть в синонимичных лексемах *otiráča*, *oteráča*, *oteráč*, соотносимых с чак. *otirâča*, рус. *утирка*, производные с преф. *ǫ-* от слав. **ǫ-terti* (ср. ЭССЯ 30, 168–170, 168). Вполне закономерна реконструируемая в ЭССЯ (30, 181) для этих образований исходная форма с преф. **ob-*.

Словен. *trâčje* 'бобовая или фасолевая очищенная солома', 'мелкие ивовые прутья' сближается с с.-хорв. *trȁkalica* 'детская игрушка, сделанная из кукурузного початка', которое, как нам представляется, ошибочно связывается Скоком с звукоподражанием *trȁk* 'звук пушечного выстрела' (Skok III, 489) и т.п. Одна-

ко, если автор (М.Ф.) согласен с версией Скока, необходимо объяснить, в каком отношении находится звукоподражание и словен. *trâčje* с исходной основой **ter-* и далее польск. диал. *trać* ‘тереть лен’, лит. *patrakas* ‘отбросы’ и т.п. Представляется, что истоки словен. *trâčje* и с.-хорв. *trȁkalica* и т.п. в гнезде слав. **torkъ*, ср. рус. диал. *тороκá*, *тоpáка*, *тоpóк* ‘ремешок; бахрома; лента, тесьма и т.п.’ (Даль[2] IV, 420; Сл. Сред. Урала VI, 97, ср. ЭССЯ 30, 194).

Большие сомнения вызывает сближение словен. *trȁb* ‘ein Arm des Wagenwiesel’ с рус. диал. *тарабáрка* ‘перекладина в стенке арбы’, ‘подставка под котлом из трех палок’ (Фасмер IV, 20: со ссылкой на словарь Миртова), истоки которого остаются неясными. Не исключено, что это слово, засвидетельствованное в среде донских казаков, является экспрессивным вариантом названия легкой крестьянской коляски – *тарантáйка*, для которого допускается восточное происхождение (Фасмер IV, 23).

Прилаг. **trp*, **trpa* ж.р., вычленяемое в составе сложения *trpoglȁv* ‘тупоголовый’, признается семантически близким польск. диал. *tarpaty* ‘шероховатый, неровный’ (Sł. gw. p. V, 389) и возводится к праслав. **trъrъ*, которое, как и лит. *trupùs* ‘хрупкий, ломкий’, определяется как производное от и.-е. атематического гл. **tréu̯p-ti* с исходной основой **treu̯p-* ‘ломать, толочь, дробить’. Как полагает автор (М.Ф.), по образцу греч. прилаг. ἄκροϛ ‘острый’ → ἄκριϛ ‘горная вершина’ образовано сущ. **trupi-s* ‘то, что надломлено’ > прус. *trupis* ‘колода, пень’. Словен. прилаг. **trp* соотносится с заимствованным из хорватского гл. *tŕpati* ‘набивать, напихивать, напр. желудок’ (Plet. II, 690: hs.). Вслед за Скоком (Skok III, 508) автор связывает чередованием корневого вокализма хорв. *tŕpati* со словен. гл. *trúpiti*. В формальном плане для ю.-слав. глагола возможна реконструкция **tъrp-* и **trъp-* с разным набором чередующихся основ – **torp-* : **tъrp-* и **trъp-* : **trupiti* ‘дробить, крошить’. Однако если мы принимаем родство гл. *trpati* с польск. *tarpać*, то вопрос решается однозначно, поскольку отпадают условия для реконструкции исходной основы **trъp-*. А если это так, то вызывает сомнение возможность морфонологических отношений словен. **trp* <**trъp-* и приведенных в этой же статье в качестве родственных польск. диал. *tarpaty* ‘шероховатый, шершавый’, а также *tarpać* ‘тормошить, теребить, рвать, дергать’, *terpać* ‘тормошить, теребить, дергать, трепать, встряхивать’ (Warsz. VII, 29, 52) с исходной основой **tъrp-*.

Польские лексемы получают объяснение в рамках гнезда и.-е. *ter-p- / *torp- / *tъrp-* ‘тереть; вращать’ (Pokorny Ш, 1070–1071, 1073–1074). Тот же корень с другими расширителями в рус. *теребить* (< **ter-b*), *торгать* и т.п.[19]. К возможным продолжениям этой основы относят рус. диал. *торпище*, *торплё* ‘мешковина, изготовляемая из самой грубой пряжи’, производные от гл. **tъrpati* ‘теребить, дергать, рвать’, ср. *драть* ~ *дерюга*[20]. При знакомстве со славянским материалом оказывается, что круг продолжений этой основы в славянских диалектах значительно шире. В первую очередь мы имеем в виду уже приведенный выше гл. *tŕpati*, довольно широко представленный на территории сербохорватского языка. Скок со ссылкой на словарь Белостенца приводит выражение *trpati vu ladje* ‘contrudare in naves’ и отмечает распространение гл. *tȓpati (se)* и итератива на *va – -trpávati* с преф. *na-*, *po-*, *s-*, *za-* в Среме, Славонии, Боснии, Лике, Далмации (Skok III, 508). Особый интерес представляет семантика глагола: ср. хорв. *tȓpati* ‘бросать одно на другое’, *tȓpati se* ‘набиваться, тесниться’ (ср. *svijet se trpa u sobi*), сюда же *tȓpanac* : *tȓpanac u sobi* ‘человек, который не может повернуться в комнате’ (Iveković-Broz II, 595), *тр́пати* ‘набивать, напихивать, запихивать’, ‘сваливать, наваливать’, *тр́пати се* ‘соваться, вмешиваться, ввязываться’, ‘набиваться, втискиваться’ (Толстой[2] 956), диал. *тр́пне* ‘ставить или бросить некий груз на что-л.’, ‘что-л. навязать, связать обязательствами’, *тр́пне се* ‘надавить всей тяжестью на что-л., кого-л.’, ‘свалиться на кого-л., стать обузой’, ‘начать преследовать кого-л.’ и *отр́па*, ср. *отрпајте га, па га пá затрпајте*[21], *тр́па* ‘сваливать в кучу’[22], с преф. *за-* гл. *затȓпати* ‘завалить; зарыть; засыпать’, ‘засунуть, запрятать’, *затȓпати се* ‘зарыться, закопаться; навалить на себя что-л.’, перен. ‘перегрузиться’ (Толстой[2] 227), диал. *затȓпати* ‘покрыть поверхность, закопать и т.п.’ (ср. *Свако зрно, да ваљано проклија. Треба да је 1–2 палца под земљом затрпано* (РСА VI, 490), *zatrpa*: *sjeme se zatrpa*[23]. В некоторых диалектных контекстах с.-хорв. гл. *затрпам* толкуется как синоним к гл. *затру́пам* ‘закрыть, закопать’ (ср. *Снег затрупáја онúја сýви дрва*), который, помимо этого, отмечен еще в значении ‘закопать, похоронить’[24], ср. еще с расширением глагольной основы *trptati* ‘calcare, тереть, уничтожать, топтать ногами’ (Mažuranić II, 1469). Сам по себе факт синонимии еще не может означать, что семантически близкие глаголы с основами *труп-* и *трп-* генетически тождественны, поскольку сходные значения могут сформироваться разными путями, независимо друг

от друга. Если исходным для *труп-* можно признать значение ‘дробить, крошить’ > ‘кусок, часть чего-л.’ > ‘засыпать, закрывать чем-то мелким’ и т.д., то в основе семантики продолжений слав. **tъrp-* лежит образ резкого движения, движения броском в сторону, движение с последующим переосмыслением и формированием семантических изменений в направлении ‘делать резкие движения’ > ‘дергать, тормошить и т.п.’ > ‘толкать, пихать’ > ‘надвигать друг на друга, запихивать, запрятывать, надвигать’, ‘закрывать, заваливать’ > ‘наталкиваться, набивать(ся)’ и т.п.

С включением глагола в экспрессивно окрашенные контексты происходит размывание границ изначальной семантики, образования с основой **tъrp-* приобретают значения, в которых исходные мотивационные признаки стерты, перекрыты инновационными процессами.

Не исключено, что тот же корень содержат ст.-чеш. *trpočiti* ‘принуждать, заставлять; тянуть, тащить; дергать, рвать’, в словаре Махека определяемое как неясное образование (Machek[2] 653–654), чеш. стар. *trpočiti* ‘нести, двигать, толкать’, производные от основы, расширенной суф. -*okъ* (Kott IV, 206, 202). Большая вероятность того, что к этому же гнезду принадлежат рус. диал. *то́рпаться* ‘ходить, тяжело ступая’ (*В сапогах тяжело то́рпаться, а в тапках легко*), *то́рпиться* ‘собираться, скапливаться в одном месте; толпиться’ (*А вечером и говорю солдатам*: “*Не знаю, чего эти приезжие около то́рпятся*”), *торпону́ть* ‘удариться обо что-н. при толчке’ (*И она там, в траве, так торпону́ла, ударилась в берег, и как там брызнула вода*) (Словарь Карелии 6, 496), *вто́рпаться* ‘упасть в грязь’ (новг., СРНГ 5, 232).

Именно русские диалектизмы помогают восстановить еще одно промежуточное звено в семантической эволюции глагола – ‘резкое действие’ > ‘то, что отброшено’. Возможно, полная ступень корневого вокализма в рус. волог. *оторапок* ‘небольшой участок земли’, ‘вспаханный участок земли’[25], первонач. ‘то, что отбито, отрезано’ > ‘обрывок’ > ‘кусок земли’, а также, возможно, топ. *Торопец*, *Торопиха*, первонач. *‘кусок земли’ (Vasmer IX, 144). Вполне возможно отражение той же основы с выпадением исходного элемента основы *-n* в рус. диал. *подто́рнуть* ‘засунув что-л. за пояс, подоткнуть юбку, платье за пояс’ (Новг. словарь 8, 59), *вто́рнуть* ‘воткнуть, всунуть’ (Новг. словарь 1, 144), *зато́рнуть* (*зато́ркнуть*) ‘заткнуть, запихнуть’, ‘закрыть, запереть’ (Новг. словарь 3, 79), хотя не исключено здесь упрощение группы *кн*. К возможным отражениям той же основы мы

относим рус. череп. *торпуши* ‘вязаные рукавицы’, определяемое Фасмером как неясное (Фасмер IV, 87), а также новг. *торпы́га* ‘безалаберный человек’ (Даль[3] IV, 809).

Что касается словен. *trpoglàv* = *topoglav* (Pleteršnik II, 690), то вполне возможна связь прилаг. **trp* с гл. *trpati* (ср. рус. *набитый дурак*). Однако с учетом возможности фонетической редукции допустимо видеть в словен. *trpoglàv* результат развития из **trapoglav* с первой частью *trap*, тождественной *tràp* ‘дурак, глупец’, соотносимого с *trapáti* ‘быть бестолковым, дураком’ (Pleteršnik[2] II, 674). Словен. *tràp* ‘дурак, глупец’ (~ укр. *mopona* ‘непроворный, неповоротливый человек’), возводится к **torpъ* < и.-е. **tor-po-s* < **(s)ter- / *(s)tor-* ‘застывать’, сюда же лат. *torpeo*, рус. *терпнуть*[26].

Представляется вполне оправданным принятое в словаре традиционное объяснение (ср. Фасмер IV: 109; Machek[2] 654–655) словен. *trûp* ‘труп’ (<**troupos*) как первонач. имени с корневым вокализмом *-o-*, сложившегося на базе и.-е. гл. **treup-ti* (~ лит. *trupė́ti* ‘крошиться, дробиться’), с развитием значения ‘разбивать’ > ‘часть’, ‘труп’, ‘то, что отрезано’ > ‘пень’. При этом остается весьма усложненным и не совсем убедительным объяснение словен. *trúplo* (~ хорв. *trûplo* ‘тело, cadaver’, *trùplo* ‘падаль’) как образования на *-lo* от исходного и.-е. гл. **tré̯up-ti* по модели **dě̀ti* ~ **dě̀lo* с преобразованием в ст.-чеш. *trupel* ‘куча, масса, часть, доля’ (< **tré̯up-lio-*) по образцу и.-е. **kᵘaHs-lo* (алб. *kollë* ‘кашель’) > **kᵘaHs-lio-* (праслав. **kȁs-lь*). Вероятнее всего в данном случае (ср. еще цслав. прилаг. **трꙋпль** ‘утлый’) мы имеем дело с субстантивацией прилагательного **trup-l-*, возникшего на славянской почве.

Неубедительна реконструкция разных этимологических истоков для *ȕm* в значении ‘intellectus, mens’ (~ лит. *aũtiõ* ‘разум’) и *ùm* ‘злость, желчь’, ср. *na umu biti* ‘злиться’, далее сюда же относится рус. *быть себе на уме* ‘быть скрытным и хитрым’, для последнего в качестве соответствия приводится лит. *aĩtmonis*, лтш. *aumanis* ‘не в своем уме, безумный, неистовый, яростный’. Если в балтийских языках разграничение такого рода этимологически оправдано, поскольку лит. *aĩtmonis* восходит к сложению преф. *au-* ‘fort, weg’ с и.-е. корнем **men-* ‘думать’ (Fraenkel 26), то в славянских языках отсутствуют условия для такого разделения. Действительно, словен. *na umu biti* ‘злиться’ сродни русскому

выражению *себе на уме* ‘скрытен и хитер, своего не упустит’, в котором в определенном смысле содержится отрицательная характеристика человека. Этимологическое разграничение можно объяснить тем, что значение ‘злость; злиться’, свойственное всему выражению как единому целому *na umu biti*, перенесено на входящее в его состав имя *ит*. Надо отметить, что и в словенском, и в русском языках *ит* / *ум* легко включается в однотипно построенные сочетания, нередко передающие прямо противоположный смысл: ср. словен. *iz uma biti* и рус. *выйти из ума*, словен. *na umu držati* и рус. *держать в уме* т.п. (Pleteršnik[2] II, 713; Словарь Карелии 6, 607–610).

Для словен. *úšti* ‘поле, которое граничит с полями другой деревни’, топ. *Uštje*, *na Uštih* и т.п., сближаемым с с.-хорв. топ. *Uštica*, предлагается довольно сложное и неубедительное объяснение из **vъčьtь/ъ* ‘то, что находится рядом, то, что принадлежит коллективу’, которое далее соотносится с цслав. **вѣчисти** ‘приписать, присчитать’, слав. *čitati*. Представляется фонетически и морфологически более убедительной отвергаемая в словаре идея Эрьявца о связи с *ustje* ‘уста’ < **ustьje*, **usta*. В пользу такого объяснения семантика болгарских лексем – *ýстие* ‘узкое и глубокое ущелье’ (БТР), диал. *устá* ‘отверстие между нитками в основе’, предложное сочетание *на устá* ‘между двумя облаками’, ср. *слънциту засе́де на уста*[26]. На форму ж.р. словен. *úšti* мн.ч. (от основы ж.р. **ustь*) указывают др.-русск. *устьна* ‘губа, рот’, а также соответствующее им прусск. *āustin* вин. ед. ‘рот’, ‘морда’ (Топоров. Прус. яз. *A–D,* 172). В древнерусских текстах в функции наречия выступает форма *усть*: *на усть* ‘при истоке’, ср. еще топ. *Усть-Двинск* и т.п., но эта форма может быть понята как вторичная, усеченная по отношению к *устье*[27].

Следует исключить рус. диал. *водевó* ‘на, вот’ < *вот где* из гнезда словен. *vaditi II* ‘звать, манить’ (~ лтш. *vedinât* ‘приглашать; наводить на мысль’, связываемое в литературе с гл. *vedinât* ‘водить’), выводимого из и.-е. **u̯edh-* ‘вести’, с развитием значения ‘манить’ < ‘говорить’ (ср. др.-инд. *vádati* ‘говорить’ < и.-е. **H$_2$u̯ed-* ‘говорить’.

В качестве возможной параллели к *vaditi III* в значении ‘жарить’ приводится цслав. **аште зѫбъ сводѣтъ**‘зуб сводит’ (XIII в.), с чем трудно согласиться, поскольку в данном выраже-

нии речь может идти о глаголе **sъvoditi* (: **sъvesti*) в значении ‘стягивать, сгибать’.

Для словен. *vaditi* ‘жарить’ признается наиболее вероятной принадлежность к гнезду слав. **vędnǫti* ‘вянуть’ (словен. прекмур. *vòditi* ‘коптить’) < и.-е. **(s)u̯endh-* ‘припекать, пылать; испаряться, вянуть, исчезать’ < **(s)u̯edh-* с назальным инфиксом. Весьма проблематично отражение той же и.-е. основы с корневым *o* в слав. **vonь* (ср. Фасмер I, 344). Одновременно для *vaditi* не исключается и возможность образования от неподтвержденного гл. **vesti*, *vedešь* со значением ‘жечь’, nomen actionis **voda* ‘водка’ (ср. польск. диал. *woda* и *wódka* ‘водка’, рус. *водка*, чеш. *vodka*). Отметим, что рус. *водка*, производное от *вода*, заимствовано из польского.

Если обратиться к контекстам (ср. *privadítə mọqo za žhánče*), в которых отмечен гл. *vaditi* ‘жарить’, то нетрудно заметить, что речь идет о таком способе приготовления на огне, который передается рус. гл. *припустить* ‘варить в малом количестве воды’, ср. *припустить мясо* и т.п. В таком случае словен. *vaditi* имеет в качестве производящей базы гл. *voditi* с наложением удлинения на корневой вокализм.

При разграничении гл. *véhati I* ‘слабо дуть, о ветре’ и *véhati II* ‘шатать, колебать, качать’ следует иметь в виду, что эти этимологически тождественные глаголы, производные от **vě(ja)ti*, семантически разошлись в отдельных диалектах на *славянской* почве.

Совен. *véhniti* ‘сушить, вянуть’ и ‘слабеть’ вместе с хорв. *vȅhnuti* ‘сушить, вянуть’, болг. *вéхна* с тем же значением, макед. *венда* ‘бездельничать’, рус. диал. (яросл.) *вя́хиль* ‘о человеке или животном крупном, но неповоротливом и нескладном’ (СРНГ 6: 80–81) относятся к продолжениям и.-е. **u̯end-s-* ‘вянуть’. На наш взгляд, в ряду соотносимых лексем следует особо выделить макед. диал. *венда* (ср. еще в Банско, Разложко *вéнда* ‘глупая женщина’, *вéнде* ‘глупый мужчина’ – БЕР 1, 133) с носовым в корне, которое, можно думать, является прямым отражением корня с носовым элементом. В. Георгиев полагал, что *-х-* в корне восходит не к показателю интенсива *-s*, появление его обязано влиянию **sъxnǫti* (БЕР 1, 139). Остается неясным рус. *вя́хиль* с вариантами *вя́хирь* ‘веревочная сетка для сена’, *вя́херь* ‘холщевый мешок’, *вя́харь*, *вя́хол* ‘сетчатый мешок’, *вя́ха* ‘медлительный человек’ и т.п. (СРНГ 6, 80–81). Были попытки соотнести эти слова с *вя́ха* ‘ветвь’, с таким значением не отмеченное в СРНГ (Фасмер I, 377

со ссылкой на Горяева). В словаре Миклошича (Miklosich 380) *вя́хирь* сближается с *вялый* (см. Фасмер I, 377). Заметим, что в следующей по алфавиту статье (s.v. *véhter*) рус. диал. *вя́хиль*, *вя́хирь* даются с реконструкцией и.-е. **u̯eng(h)-* (ср. лтш. *vanga* 'ручка, плетеная сеть'). Предлагаемые автором объяснения представляются не вполне убедительными. Вполне возможно, что в случае рус. *вя́хиль* мы имеем дело с заимствованием хозяйственных терминов из соседних языков, а отмеченное для тех же слов значение 'неловкий, неуклюжий, неповоротливый' – результат метафорического переосмысления основного значения 'кошель, мешок', ср. рус. диал. *мешóк* 'торба', 'об обжоре', мн. 'прозвище крестьян-землепашцев' (СРНГ 18, 150). Требует дополнительных пояснений данная в этой статье отсылка к *véhati* 'качать, колебать, шатать' (ср. *vehljáti* 'шататься от слабости', *véhljav* 'слабый, пустой' и т.п.) < **vě-cha-ti*, к **vě(ja)ti*.

Словен. *véhter* 'устройство, на котором сушат сыр' скорее всего связано с гл. *véhtiti* 'махать, развеваться', производным от **vĕxъtъ*, ср. рус. диал. (свердл.) *вяхта* 'ветвь хвойного дерева, лапа' (СРНГ 6: 81).

Раздельная трактовка *vêk* 'век' и *vêk* 'сила' неизбежно приводит к повторам материала, хотя нельзя не признать, что выделение в отдельную статью *vêk* 'сила' и определение круга славянских образований, мотивированных исходной семантикой 'сила, мощь', дает возможность более четко выделить семантические архаизмы в славянском материале.

Гл. *-véliti* 'сечь', известный в приставочной форме *ovéliti* в значении 'рубить деревья', а также 'вянуть', вместе с *velna*: *sejati na velno* 'первый раз сеять на месте раскорчеванного леса' производится от прич. на *-l* – **vędlъ* гл. **vędnǫti*. Представляется, что такое объяснение справедливо только для гл. *ovéliti* в значении 'вянуть'. Что же касается *velna*, гл. *ovéliti* в значении 'рубить деревья', то, как верно отмечено в словаре (М.Ф.), эти слова принадлежат к терминам подсечного земледелия. Образования, близкие по семантике и структуре, отмечены в балтийских языках: ср. лит. *velė́na* 'дерн, дернина, вырезанный кусок земли', лтш. *vęlęna* 'дерн', истоки которых в гнезде и.-е. **u̯el-* 'драть, ломать'. Этот термин, утраченный славянскими языками, сохранился в топонимических названиях: ср. чеш. *Veleň*, польск. *Wieleń* и т.п.[28].

Включенные в статью на *véšča* (М.С.) семантически близкие рус. *вещун*, чак. *višćīn* толкуются как продолжения прич. страд. пр. вр. **věst'enъ*. Необходимо уточнить: в составе рус. *вещун* и т.п. содержится суф. *-unъ* (см. Sławski. Zarys I, 134).

Едва ли целесообразно разделять *véti* 'слабо дуть, о ветре' и *véti* 'чистить зерно путем провеивания' и рассматривать их как омонимы. В том и другом случае речь идет об одном и том же глаголе. Движение воздуха, небольшой ветерок служат средством очистки зерна, освобождения его от шелухи. Ср. *vêlnica* 'орудие для провеивания зерна'.

Словен. *veznéti* 'горчить, горкнуть', синонимами для которого являются *greni*, *srovi* < *si/surovi* (Pleteršnik[2] II, 758 со ссылкой на Cigale), производное от прилаг. *vézen* 'связанный', позволяет говорить о развитии у прилагательного значения 'терпкий, вяжущий'. Возможность развития этого значения на базе глагольной семантики 'вязать' подтверждается рус. прич. *вяжущий вкус*.

В словаре этимологически разделены *-víkniti se* (ср. *na-víkniti*, *pri-víkniti* 'привыкнуть'), выводимое из праслав. **vyknǫti* (М.С.), и *-víkniti* (в сложении *obíkniti*, ср. *bolečina obikne* 'боль прошла' ~ макед. *викне* 'начать'), для которого признаются невыясненными дальнейшие связи (М.Ф.). Между тем *obíkniti* и приведенное в той же статье с другим префиксом диал. (прекмур.) *odbìknoti* 'перестать сидеть (о наседке)' образованы от одного и того же гл. *víkniti* (< **vyknǫti*) с преф. *o(b)-* и *ot-*. Значение 'перестать, утихнуть' явилось результатом переосмысления основного значения 'привыкнуть, приноровиться, свыкнуться' (ср. рус. диал. *обы́клый* 'привыкший, освоившийся' и 'обходительный', 'ручной (о животном, птице)', *обы́чайный* и *обыча́йный* 'смирный, кроткий; покладистый', *обы́чный* 'легко и быстро ко всему привыкающий', 'смирный, послушный' – СРНГ 22, 287, 289, 290) > 'перестать воспринимать боль', а с преф. *ot-* 'отвыкнуть'.

В словнике найдем отсутствующие у Плетершника словен. диал. *vilákan* 'очень голодный', *vilákanek* 'голодный' (к прич. от гл. *lákati* 'быть голодным') как примеры архаичных образований с преф. **vy-*, нетипичном для южных славян. Полное собрание образований с этим префиксом в словенском можно найти в работе Ленчека[29].

По мнению автора (М.С.), по данным акцентных отношений словен. *vítek* ‘гибкий’ ~ хорв. *vȉtak*, русск. *витый*, *витой* и т.п. не могут быть прямо образованы от прич. **vitъ* (< **u̯iH-tó-*), речь может идти о производном с суф. **-u-ko-* (по типу **gladъkъ*, **gybъkъ* – не *gibъkъ* !) от интенсива **vititi*, который сохранился в хорв. *vititi se* ‘сгибаться’. И с этим едва ли можно согласиться, поскольку акцентные отношения, как и семантика, были подвержены изменениям.

Объясняя *vlačúga* ‘бродяга, блудница’ как производное от гл. *vlačiti se*, автор (М.С.) попутно отмечает, что остается неясным, относятся ли к этому гнезду словен. и хорв. топ. *Slak*, *Oblak*. В III томе словаря топ. *Slak* (s.v. *slȃk*) включается в число продолжений слав. *sъvolkъ* (М.Ф.). Для топ. *Oblak* вероятна производность от прилаг. *óbel* ‘округлый, овальный’ < **obvьlъ(jь)*, связанного чередованием корневого вокализма с **valiti* (ЭССЯ 31, 124–125).

Как полагает М.Ф., изолированное словен. *volíti se* в значении ‘случаться (о корове)’ может рассматриваться как каузатив от праслав. **voliti* ‘желать’. Со ссылкой на употребляемый в том же значении славянский гл. **goniti* (< и.-е. **g^{u}hen-*) ‘толочь; гнать и т.п.’ допускается возможность развития из и.-е. **H$_2$u̯elH$_2$-* ‘толочь’ (> хетт. *u̯alh-* ‘толочь’, *hulla/e-* ‘бороться’, слав. **vьlna* ‘шерсть’). С таким выводом трудно согласиться. Словен. *volíti se* в значении ‘случаться (о корове)’ можно сравнить с рус. диал. *воля́* ‘свобода в поведении; распущенность’ (енис., сев.-двин.), *во́литься* ‘хотеться, желаться’ (влад.) (СРНГ 5, 88), ср. еще лат. *libīdō* ‘(страстное) желание’ ~ рус. *любить*. Лексика этого семантического поля имеет разную мотивацию: ср. рус. диал. *лома́ться* ‘быть в состоянии течки (о корове)’ (тамб., твер., ворон., куйбыш.) (СРНГ 17, 118), *бе́гаться* ‘о животных: находиться в периоде течки’ (калуж., иркут.) (СРНГ 2, 170) ~ лит. *bė̃gti(s)*, нем. *läufisch sein* с тем же значением[31].

Словен. топ. *Vopolje*, засвидетельствованный еще в XIII в. в форме *Wo^{e}pulach*, *Woppolach*, удостоверяет существование на территории южных славян продолжений праслав. **obpolьje* не только в районе Призрена (ср. *Opoļe* – RJA IX, 81), тем самым расширяется география слав. **obpolьje*, известного в основном западным и восточным славянам (см. ЭССЯ 28, 255).

Vráziti ‘скрипеть, скрежетать’, ‘плакать, реветь (о ребенке)’ (< **vorziti*) (М.С.), ср. у Плетершника *nemazano kolo vrazi*, *otrok vrazi* и т.п. (Pleteršnik II, 784–785). Это едва ли не единственный пример сохранения корневого вокализма в ступени *o* при чеш. *vrzati* ‘скрипеть’, *vrznouti*, слвац. *vrznut'* ‘скрипнуть’, *vŕzgat'* ‘скрипеть’ (< **vьrzati*), рус. *верезга* ‘крикун’, соотносимыми с лит. *veřkti* ‘плакать’, слав. **verščati* ‘верещать’. Собственно эта же лексическая группа, дополненная укр. *верезати* ‘скрипеть’ (Гринченко I: 134), но без приведенного выше гл. *vráziti*, рассматривается в отдельной статье на *vŕzati* ‘скрипеть, хрустеть’ (<**vьrzati*) (М.Ф.) и на корневом уровне сближается со словен. *vŕčati*, *vrečáti*, *vŕkati* и *vréti* ‘кричать, шуметь’ (см. ниже) и далее возводится к и.-е. основе со значением ‘говорить’, восстанавливаемой в форме **u̯er-* и **u̯erH-* (см. *vréčati*, *vréščati*) в той и другой статье. Из приведенного ряда глаголов, трактуемых как экспрессивные образования, следует исключить укр. *верзти* ‘плести чепуху’ (ср. еще рус. диал. *ве́рзить* ‘нести чушь, лгать’, *верзти́* ‘говорить глупости’), поскольку последнее связано со слав. **vьrzti* ‘плести’, ср. рус. *плести* в значении ‘обманывать’, польск. *pleść* ‘молоть чепуху’ (Фасмер I, 299). Приведенный в двух статьях материал с учетом словен. *vráziti* позволяет развить гипотезу об исходном и.-е. **u̯er-* ‘говорить’ и высказать предположение, что на славянской почве этот корень с разными ступенями огласовки получил экспрессивно окрашенные расширители *z- /zg- /sk-*.

Словен. *vréti* в значении ‘кричать, шуметь’ рассматривается как омоним по отношению к *vréti* ‘кипеть’, ‘бить об источнике (из земли)’, ‘stromen, бурлить, о толпе’ (Pleteršnik[2] II, 788) и сопоставляется с польск. диал. *wrzeć na kogo* ‘ругать, бранить кого-л.’. Предполагается, что нейтральное значение глагольной основы сохраняется в словен. *opovréti* ‘erwidern, entgegen’, которое, как и словен. диал. *vrniti* ‘заговорить с кем-л.’ (ср. *vrniti vedomca* ‘заговорить с идущим вампиром и таким образом разбудить его’), вслед за Безлаем, выводится из и.-е. **u̯er-* ‘говорить’, ср. хетт. *u̯eriia-* ‘звать, называть’ и т.д. Едва ли оправдано в диахроническом плане разграничение *vréti* в значении ‘кричать, шуметь’ и ‘кипеть’. Семантика с экспрессивным оттенком ‘кричать, шуметь’ мотивирована значением ‘кипеть, бурлить’. Ср. рус. *кипеть* ‘бурлить, кипеть’, ‘шуметь, находиться в возбужденном состоянии’. В парадигму глаголов типа **vьrěti* (ср. **pьrěti*,) не входят образования на *-nǫti*. К этому гнезду, видимо, не имеет

отношения гл. *vrniti* в выражении *vrniti vedomca*, здесь глагол выступает в своем основном значении ‘вернуть вампира из сна, пробудить’ и продолжает слав. **vьrtnǫti*.

Zamárati ‘замарать, запятнать’ относится к числу неясных образований. Для него допускается развитие из гл. **zamažati*, который, по мысли М.С., может быть определен как нерегулярная форма итератива от *zamázati*. Представляется более убедительным истолкование, данное Ф. Безлаем во II томе словаря. Этот глагол, функционирующий в словенском языке только в префиксной форме, стоит в одном ряду с рус. *мара́ть*, укр. *мара́ти*, польск. *marać* и т.п. < и.-е.**mer-*, **mor-* ‘чернить; темное пятно’ (Bezlaj II, 167; ЭССЯ 17, 208–209).

Словен. **vrtelka*, отмеченное только в XVIII в. в форме *vertelka* в значении ‘воронка, через которую бросают игральные кости, fritillus’, определяется как одно из производных в гнезде гл. *vrtéti*. Это производное не относится к числу изолированных образований, ср. рус. диал. *вертёлка* ‘вертушка: о женщине, девушке’, ‘бойкая и быстрая в движениях женщина или девушка’ (пск. СРНГ 4, 150), с.-хорв. *вр̀тӗљка* ‘вертушка’ (РСА III, 82), чеш. *vrtělka* ‘волчок, юла’ (Kott IV, 838) и т.д.

На наш взгляд, в статью, посвященную словен. *zadrêga* ‘difficultas’, производному от гл. *zadrẹgnǫti*, ошибочно включено рус. диал. *раздряни́ть* ‘разбросать, разметать’ (Даль[2] II. 28). Русский диалектизм представляет собой образование, производное от *дрянь* < **dьranь* ‘то, что отодрано; мусор; ненужное’ > ‘разбросать’ (ЭССЯ 5, 217).

Прилаг. *zapâšen* ‘переполненный, набитый желудок (о животных)’, отсутствующее в словаре Плетершника, толкуется как прич. прош. вр. от гл. *zapasiti (sę)* ‘наесться’, производного от **pasti*. Представляется более вероятной соотнесенность с гл. *pehati* = *pahati* ‘пихать’ < **pьxati*. В значении ‘набить желудок’ отмечен тот же глагол в форме *zapəhníti*, ср. *zapəhníti si želodec* (Pleteršnik[2] II, 851).

Едва ли есть необходимость в реконструкции для диал. (прекмур.) *zapèriti se* ‘зародиться, размножиться (о нечисти)’ (Novak) особой производящей основы **pèrъ*, идентичной лит. *pẽras* ‘ли-

чинка насекомого', рассматриваемого в гнезде гл. *perë́ti* 'высиживать яйца' (Fraenkel 573). В данном случае, вероятно, речь идет об образовании глагола от *pero*, ср. рус. диал. *запери́ться* 'начать покрываться перьями, оперяться' (СРНГ 10: 312).

Zápor 'кипяток для запаривания кадки', отнесенное к гнезду слав. **рьрěти*, **pariti*, возможно, представляет слабо засвидетельствованную в славянских языках основу с корневым вокализмом *-о-*. Другие образования, приведенные в это словарной статье, имеют другую природу. Словен. *zapârica* 'болезнь копыт у животных', в.-луж. *para*: *mi je para zanochće zalězla* напрямую связаны с гл. *pariti*. Вероятно, к этому гнезду не относится рус. новг. *за́пор* 'болезненное состояние рук или ног, сильно остуженных или во время отогревания' (СРНГ 10, 344), т.е. 'состояние, связанное с онемением, оцепенением и т.п.'. Скорее всего это производное от гл. *запереть* < **zaperti*, ср. семантически близкое рус. сарат. *запери́ть* 'заложить; покрыть чем-л.' (ср. *Дыхать трудно – горло заперёно, все распухло*) (СРНГ 10, 311). С тем же праслав. гл. **-perti* соотносится польск. диал. *opór* 'заусенец' в ЭССЯ (28, 263).

Zatŕčiti 'заткнуть, закупорить', *zátrč* 'затычка, пробка', как и гл. *zatŕkniti* 'заткнуть пробкой', производятся от *zatŕditi*, отмеченного в том же значении. В этом сближении остаются непонятными фонетические процессы, которые привели к преобразованию исходной именной основы *trd* > *trč*. По всем признакам словенские образования связаны с гл. **tъrkati*. Того же происхождения рус. твер., пск. *зато́рка* 'пробка, затычка' ~ *зато́ркать* 'засунуть, затолкнуть' (СРНГ 11, 102). Приведенные в этой статье наряду с *zátrč* другие названия пробки, затычки, а именно *zatȉč*, *zatȉk* (~ *tíkati* 'figere'), *zamâšek* (~ *mašiti*), свидетельствуют лишь о действии разных мотивационных моделей в процессе номинации одной и той же или близкой реалии.

Zavàditi 'задеть' и семантически близкие чеш. *zavadit o něco* 'задеть', словац. *zavadit'* 'случайно кого-л., что-л. задеть', в.-луж. *zawadźić* 'задеть за что.-л.', 'слегка коснуться чего-л.' толкуются как итеративы с долгим вокализмом в корне – **u̯ōdheie̯-* < **u̯edh-* 'толкать, бить, толочь', а соответствующая форма с назальным элементом в корне **u̯e-n-dh-* предполагается для рус. диал. *вудну́ть* 'уколоть, кольнуть', 'украсть' (СРНГ 5, 238), с чем трудно согласиться, поскольку русский диалектизм, отмеченный

только в смоленских говорах, близок блр. *вýда* ‘удочка’, т.е. рус. диал. *вуднýть*, первонач. ‘закинуть удочку’ > ‘зацепить’ > ‘поймать’ > ‘украсть’.

В круг образований с тем же корнем, что и словен. *zdénec* ‘fons’ (< **stъd-*), включаются только хорв. *zdèn* ‘холодный’, *zdānèc* ‘колодец’ (Bednja). Этот материал может быть дополнен примерами из штокавского диалекта. По данным В. Борыся, *zdèn* ‘холодный’ известно штокавскому славонскому говору, а топ. *Zdena* засвидетельствован в кайкавской части Боснии[32].

Обнаруженное в словенских диалектах прилаг. *ziden* ‘глиняный’ (ср. *ziden vrč*), отмеченное Плетершником только в “строительном” значении, интересно тем, что вместе с польск., кашуб. *zdun* ‘гончар’, др.-русск. *зьдарь* в том же значении (СДРЯ III, 431) расширяет состав гнезда слав. **zьdati*, **zidati* ‘строить, возводить стены; дом из глины, камня’[33].

Для *zoliti* ‘кричать, шуметь’, соотнесенного с рус. диал. *назóла* ‘тоска, печаль’, ‘гнев, досада’, *назóлить* ‘досаждать, огорчать’ и т.п., принимается традиционное сближение с лит. *zalà* ‘вред’, др.-норв. *galli* ‘вред, ошибка’ и т.д. < и.-е. **ghal-* (Pokorny I, 411; Fraenkel 1286; Фасмер III, 39). Данные диалектов (ср. рус. диал. *назóл* ‘зола, пепел, особенно от травы, соломы; щелок, подзол’) говорят в пользу сближения с **zola* (~ **zelьje*), собственно славянском образовании, производном от гл. **nazoliti*, первонач. ‘посыпать золой, пеплом’ (подробнее см. ЭСБМ 7, 207; ЭССЯ 24, 74–76). В рамках этого гнезда получает истолкование словен. *zolika* ‘просека, прогалина в лесу’ как производное от гл. **zoliti*, каузатива к **zelti* ‘блестеть, сиять; зеленеть’.

Воспринимаемые как омонимы словен. *žîr* I ‘лесной корм’, ‘желудь’ (М.С.) и *žîr* II ‘фрукты’ (М.Ф.) рассматриваются по отдельности. В данном случае следует иметь в виду, что речь идет о диалектных различиях в семантическом развитии славянского имени с суф. *-r*, производного от основы гл. **žiti*. Судя по приведенным материалам, *žîr* II ‘фрукты’ представлено в юго-западных словенских диалектах. Материалы двух статей взаимно дополняют друг друга, поэтому было бы целесообразно объединить их в одну статью. Тогда в более широком контексте предстали бы пути преобразования семантики слав. **žirъ*.

Анализируя материал четвертого тома словаря, очень большого по объему, мы остановились лишь на тех словарных статьях, которые дают наглядное представление об особенностях словенской этимологической школы, занимающей отдельное место в славянской этимологии. Словарь, богатый идеями и материалом, несомненно, будет способствовать дальнейшему углубленному изучению словенской лексики в контексте этимологических связей.

Примечания

[1] *Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Četrta knjiga Š–Ž. Avtorji gesel F. Bezlaj, M. Snoj in M. Furlan. Uredila M. Snoj in M. Furlan. Ljubljana, 2005.

[2] *Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Peta knjiga. Kazala. Izdelala M. Snoj in S. Klemenčič. Ljubljana, 2007.

[3] *Куркина Л.В.* Рец.: F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga *A–J* // Этимология 1977. М., 1979; *Она же.* Рец.: F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. II: *K–O* // Этимология 1983. М., 1985; *Она же.* Рец.: F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. III: *P–S.* Ljubljana, 1995 // Этимология 1994–1996. М., 1997; *Она же.* Рец.: F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. III: *P–S.* Ljubljana, 1995 // ВЯ № 4, 1996; *Она же.* Рец.: F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. IV: *Š–Ž.* Ljubljana, 2005 // ВЯ № 6, 2006.

[4] *Трубачев О.Н.* О семантической теории в этимологическом словаре. Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология // О.Н. Трубачев. Труды по этимологии. Слово • История • Культура. I. М., 2004, 451.

[5] *Варбот Ж.Ж.* Чешские и словацкие этимологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., 1974, 227.

[6] *Куркина Л.В.* Славянские этимологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981, 331–333.

[7] *Белетић М.* ИС^{КО}ВРНУТИ ГЛАГОЛИ. Типови експресивних превербалних форманата (на српском и хрватском језичком материјалу). Институт за српски језик САНУ. Монографије 2. Београд, 2006, 277 и след.

[8] *Трубачев О.Н.* Из работы над ЭССЯ 26 // О.Н. Трубачев. Труды по этимологии..., 574.

[9] Известны попытки связать названия мелкого песка (словен. *svíž*) с глаголом, обозначающим способ перемещения песчаных отложений. В качестве возможных отражений этого глагола называются словен. *švígati* ‘быстро двигаться, мелькать’, рус. *свигать* ‘гулять, шататься’ и т.п. (< **svei-g-*), на уровне морфонологических отношений для них допускается родство со слав. **svěžь* (< **svoi-g-*). См. *Петлева И.П.* Этимологические заметки по славянской лексике. V. // ОЛА 1974. М., 1976, 125–131.

[10] *Варбот Ж.Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984, 83–84.

[11] *Трубачев О.Н.* ‘Молчать’ и ‘таять’. О необходимости семасиологического словаря нового типа // О.Н. Трубачев. Труды по этимологии.., 313–315.

[12] *Bernard R.* Étude de quelques mots du dialecte de Razlog d’après le t. XLVIII du Сб. За народни умотворения и народопис // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски, 369.

[13] *Королева Е.Е.* Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский р-н Псковской области). Ч. 1, 2. Даугавпилс, 2000, 98.

[14] *Ђоковић Љ.* Говорни Драгуљи Никшићког краја. Речник мање познатих ријечи и други прилози. Београд, 2005, 206, 72.

[15] *Boryś W.* Na tropach słowiańskich reliktów leksykalnych // RS. T. XLII, cz. 1, 1981, 27–29.

[16] *Шахматов А.А.* К истории звуков русского языка. Замена долгих плавных слоговыми // Изв. ОРЯС. Т. VII, кн. 2. СПб., 1902, 359.

[17] *Zubatý J.* Slavische Etymologien // AfslPh 16, 1895, 415; *Меркулова В.А.* И.-е. **ten-* 'тянуть, натягивать', 'плести' в славянских языках // Этимология 1975. М., 1977, 52–63.

[18] *Рачева М.* К продолжениям праславянской основы **ton-* < **topn-* и **ton-* / **ten-* / **tin-* в болгарском языке // Этимология 2003–2005. М., 2006, 188.

[19] *Меркулова В.А.* Торпище // Этимология 1966. М., 1968, 100–102.

[20] Там же.

[21] *Динић Ј.* Тимочки дијалекатски речник. Београд, 2008, 824, 545.

[22] *Јовановић В.* Речник села Каменице код Нища // СДзб LI. Београд, 2004, 646/344.

[23] *Jovićević A.* Narodno gospodarstvo u Crnoj Gori (Riječka nahija) // Zbornik za narodni život i običaji južnih slavena. Knj. XXIII. Zagreb, 1918, 151: Riječka nahija.

[24] *Жугић Р.* Речник говора Јабланичког краја // СДзб LII. Београд, 2005, 112.

[25] *Смирнова О.С.* К вопросу о мотивации некоторых полеводческих терминов // Русская диалектная этимология. Третье научное совещание 21–23 октября 1999 г. Тезисы докладов и совещаний. Екатеринбург, 1999, 000.

[26] Допускается преобразование и.-е. **ter-p-* 'тереть' в направлении 'таять', 'цепенеть' (ср. **tьrpěti*, **tьrpnǫti*). См.: *Аникин А.Е.* Некоторые теоретические аспекты этимологизации омонимов в связи с реконструкцией праславянского лексического фонда // Этимология 1984. М., 1986, 32_{12}.

[27] *Стойков Ст.* Лексиката на банатския говор. С., 1968, 252.

[28] Подробнее см.: *Куркина Л.В.* Заметки по словенской этимологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. М., 1978, 286–287.

[29] *Куркина Л.В.* Славянские термины подсечного земледелия на индоевропейском фоне // Балто-славянские исследования 1998–1999. XIV. Сборник научных трудов. М., 2000, 17–20.

[30] *Lenček R.L.* Na sledi tvorjenk s predpono *vi-* v slovenskih narečjih // SR 40 / 1992, št. 1, s. 61–77.

[31] *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 3 (s.v. *бегаться*).

[32] *Boryś W.* Prilozi proučavanju ostataka arhaičnog slavenskog (praslavenskog) leksika u kajkavštini // HDZb, knj. 6. Zagreb, 71–72.

[33] *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 209.